

ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА В ЯПОНИИ

**Виталий
Владимирович
СОВАСТЕЕВ,**
доктор исторических
наук, профессор

**Ольга
Михайловна
ШЕВЧУК,**
аспирант ДВГУ

В современной Японии остро стоит проблема политического лидерства. Это вызвано целым рядом обстоятельств как внутривнутриполитического, так и внешнеполитического характера. С начала 90-х годов Япония переживает затяжной социально-экономический кризис. Он вызван тем, что лопнула так называемая «экономика мыльных пузырей» и наступил период затяжной рецессии, а из нее, как оказалось, невозможно выйти без осуществления глубоких социально-экономических реформ. Японская экономическая модель, породившая «японское экономическое чудо», исчерпала себя и в новых условиях оказалась недостаточно либерализованной, в ней сохранилось много архаичных элементов, в частности, элементов «мобилизационной экономики»¹. Реформы в области либерализации японской экономической системы, проведенные в начале 80-х годов правительством Я. Накасонэ, оказались недостаточными для перехода к новой экономической системе. А радикальные экономические реформы требуют иного типа политического лидерства, чем тот, который укоренился в японском обществе.

На экономический кризис в Японии наложился острый внутривнутриполитический кризис, начавшийся в 1993 г. с развала монополии Либерально-демократической партии на власть, ее раскола и перехода к новой партийно-политической системе, отличительная черта которой — создание коалиционных правительств. Есть основания полагать, что перестройка партийно-политической системы в Японии ещё не завершена².

Одним из компонентов политического кризиса в Японии является вопрос о политическом лидерстве. В 80—90-х годах XX в. в Японии часто происходили политические скандалы. Только за последние десять-двенадцать лет в стране под давлением коррупционных скандалов были вынуждены уйти в отставку 4 премьер-министра страны: Такэсита Нобору (1987—1989), Уно Сосукэ (1989), Миядзава Киити (1991—1993), Хосокава Морихиро (1993—1994). Коррупционные скандалы дискредитируют политических лидеров Японии³, что по мнению общественности порождает необходимость очищения политического мира Страны восходящего солнца.

Перемены, происходящие в Японии в конце XX — начале XXI в., носят сложный и неоднозначный характер. Некоторые американские исследователи определяют процессы, имеющие место в последнее время в японском обществе, как «тихую революцию». Как полагает американская исследовательница Д. Хелвег, «когда Япония встанет на ноги, она сможет бросить вызов Америке

сразу на нескольких фронтах»⁴. Однако, чтобы «тихая революция» стала успешной, необходимо решить проблему политического лидерства.

Кроме внутренних есть ещё факторы внешнего порядка, касающиеся политического лидерства. Япония как одна из наиболее развитых стран мира давно уже втянута в процесс глобализации, развернувшийся в конце XX в. Этот процесс стал вызовом, потребовавшим от Японии адаптации ее социально-экономического и политического порядка к новым условиям, сложившимся в мире. Он обострил проблему политического лидерства, бывшего и прежде одним из слабых звеньев в японской политической системе и политической культуре.

Традиционно политический лидер в Японии подчиняется нормам группового поведения, особенно не выделяется своей индивидуальностью и почти сливается с той социальной и политической группой, которая его выдвинула⁵. Ситуация, сложившаяся в конце XX в., потребовала ломки этого стереотипа, формирования нового типа лидера — энергичного, инициативного, способного к нестандартным действиям.

В японской политологической литературе давно уже уделяется большое внимание выработке набора тех политических качеств, которые необходимы современному политическому лидеру страны. В частности, обращается внимание на критерии, определенные западной политологией. В этой связи японские специалисты часто ссылаются на американского исследователя К. Мерриама, который выделяет 6 качеств, необходимых политическому лидеру: умелый «читатель» общественного мнения; очень искусен в личных контактах с различными людьми; добивается выдающихся результатов в коллективных контактах; искусен в драматических проявлениях; искусен в формах действия, способных отвечать трудным условиям; обладает высокой степенью мужества⁶.

Несколько иной набор качеств, необходимых современному политику, называет японский политолог Каваками Тамио: осознание славной профессии политика; наличие хороших советников; постоянное общение с массами; способность к драматическому выражению требований эпохи; знание стимулов стремления к власти и в то же время важности власти⁷.

Крупный японский политолог Накамура Кикио добавляет к этому набору ещё ряд желательных качеств политика: умение заводить знакомства, искренность, демократичность позиции, чувство юмора — формула «перманентной улыбки»⁸.

Обращает на себя внимание тот факт, что в перечисленных качествах нет ничего специфического, хотя японские политологи признают, что их политические лидеры отличаются не только от политических лидеров европейских стран, но и от лидеров родственного в отношении политической культуры Китая⁹. Так, Накамура Кикио признает, что для таких стран, как Япония, политике необходимо иметь богатые «людские ресурсы»¹⁰. Японские политологи не только делают акцент на универсальных качествах, необходимых политику, но и предупреждают против чрезмерной зависимости от специфически японских черт политического поведения. Политолог Дои Кэнро написал специальную работу, посвященную «амаэ»¹¹. «Амаэ» — это «стремление детей к родительской опеке»¹². Другая трактовка «амаэ» — это «благожелательное отношение к духу зависимости, желание быть любимым»¹³. «В социальной среде «амаэ» означает, что сильный проявляет терпимость к слабому, признает свои обязательства перед ним, заботится о нем и защищает его, не требуя ответных обязательств»¹⁴. В переводе на общедоступный язык это означает несамостоятельность, безынициативность в политических действиях профессиональных политиков.

Акцентирование японскими политологами универсальных качеств не случайно. Оно вызвано тем, что японским профессиональным политикам присущи сильная зависимость от традиционного поведения и дефицит универсальных качеств. В Японии в наибольшей степени типу лидера европейского склада отвечал Накасонэ Ясухиро, возглавлявший японское правительство с 1982 по 1987 г. Он ясно осознавал необходимость разрыва с традициями японского политического поведения. Ещё до прихода к власти будущий премьер-министр утверждал: «Ситуация, в которой оказалась Япония, стала сложной. Существующий пассивный устойчивый характер политического деятеля не годится для неё... Если мы не возьмем на себя лидерство внутри страны и за границей, мы окажемся в положении ведомых...»¹⁵ Важной чертой стиля поведения Накасонэ было его умение прямо и откровенно говорить японской общественности о проблемах, которые консервативные политики старались замалчивать. Эта прямота импонировала многим японцам, особенно молодежи, поскольку ей уже надоели бесцветные, обтекаемые заявления традиционных политиков¹⁶.

Драма политического мира Японии заключается в том, что в 90-е годы, в период системного социально-политического кризиса, он не смог выдвинуть такого лидера, который отвечал бы потребностям глобализации, был способен осуществить назревшие радикальные реформы внутри страны и в чем-то повторял бы пример Я. Накасонэ. Нужно отметить, что все японские премьер-министры эпохи 90-х годов XX — начала XXI в. оказались людьми, не сумевшими достойно справиться с тяжким бременем политического лидерства. По выражению газеты «Асахи», они принадлежали скорее к типу «политика-координатора», нежели деятеля, руководствующегося принципами и определяющего политическую линию¹⁷.

Большие надежды японская общественность возлагала на Хасимото Рютаро, в котором видели фигуру масштаба Накасонэ. Заслугой Хасимото было выдвижение Японией новой евразийской политики, что повышало роль страны в глобальных политических процессах, позволяя ей постепенно избавиться от имиджа «политического карлика». Однако Хасимото не удалось осуществить столь же масштабные перемены во внутренней политике. Самое главное в том, что он не смог справиться с внутрипартийными проблемами, был слишком зависим от расклада фракций в ЛДП.

Сменивший Р. Хасимото Обути Кэйдзо был сильным практиком, политиком неброским, но очень старательным. Он не делал резких движений, был осторожен, больше заботился о подготовке почвы для реформ, чем об осуществлении назревших преобразований. Внезапная смерть Обути при ликвидации природного катаклизма снискала ему большое уважение в японском обществе.

Премьер-министр Мори, сменивший в 2000 г. Обути, оказался лидером старой закваски. Он не только не стал реформатором, но и не был готов к бремени политического лидерства, свалившегося на него. Его отличала своего рода брутальность поведения. Он не стеснялся своего невежества, делал непозволительные высказывания, оказался замешанным в ряде громких политических скандалов и в конце концов вынужден был уйти со своего поста. Большой урон его престижу премьер-министра нанесло публичное высказывание о Японии как о «божественном государстве во главе с императором». Эти слова, произнесенные по поводу 30-летия Общества парламентариев политической лиги Синто, были восприняты как недопустимые для главы правительства демократического светского государства¹⁸.

Мори не скупился на обещания провести радикальные реформы. Его оценка ситуации, в которой оказалась Япония, была верной. В выступлении перед парламентариями он констатировал, что Япония, как и другие страны, нахо-

дится на переломном этапе, когда «многие системы и подходы, служившие основой фундаментального развития в послевоенный период, перестали соответствовать времени, в котором мы живём». Мори заявил: «Нам следует без колебаний осуществлять реформы, устремленные в «новую эпоху». Я называю нынешний кабинет «правительством возрождения Японии» и ставлю целью сделать Японию государством, где люди, думая о будущем, могут жить спокойно, государством, духовно богатым и привлекательным, государством, пользующимся в мире доверием»¹⁹. Тем большим был контраст между многообещающими заявлениями Мори и его практической политикой, которая мало отвечала провозглашенному курсу.

На фоне политических лидеров традиционного типа возник «феномен Коидзуми», который возглавил японское правительство в апреле 2001 г., после отставки Мори. Дзюньитиро Коидзуми отличается экстравагантностью поведения и ярко выраженной внешней экстравагантностью. В Японии его называют по-разному — «подозрительный чужак», «смелый сторонник реформ», «националист-ястреб», «ловкий популист», «второй Горбачев» и т. п.²⁰

Популярность Коидзуми среди японского электората объясняется тем, что общество жаждало появления нового, яркого лидера, который вывел бы страну из политического тупика. Эта популярность помогла Коидзуми сломить сопротивление внутри ЛДП, где у него весьма слабая поддержка. Главный лозунг Коидзуми: «Перестроим ЛДП — перестроим Японию». Он призывает создать открытую и прозрачную для избирателей политическую структуру вопреки утверждению скептиков, что ЛДП не способна к перестройке²¹.

«Феномен Коидзуми» позволяет прийти к выводу, что главная проблема современного политического лидерства в Японии — это прежде всего проблема дефицита харизмы современных политических лидеров. После войны в стране сложился бюрократический тип политического управления, доминировали лидеры бюрократического склада. На такой тип лидера хорошо ложились консервативные традиции. Между тем, как полагал крупнейший авторитет в политической науке М. Вебер, бюрократический тип политического руководства должен дополняться харизматическим²². Необыкновенная популярность нынешнего премьера Дзюньитиро Коидзуми объясняется тем, что он обладает харизмой и сломал устоявшуюся традицию безликих премьеров Японии послевоенного периода. Японское общество жаждало харизматика и получило его.

Традиционно роль харизматического лидера в Японии выполняли императоры. Они были харизматиками по определению, наследуя харизму в силу своего божественного происхождения, согласно японской мифологии, от богини солнца Аматэрасу. Однако в результате поражения Японии во второй мировой войне, после того как император Хирохито отрекся от божественного происхождения в своей знаменитой «Декларации человека» («Нингэн-но сэнгэн»), харизма императора поблекла. В последние десятилетия XX в. она начала вновь усиливаться. Это проявилось в возрождении традиционных обрядов синтоистского культа при вступлении на трон императора Акихито и ряде других действий²³.

Д. Коидзуми выступает своего рода конкурентом на поприще харизмы нынешнего императора Акихито, тем более что харизма у последнего недостаточно выражена. Коидзуми подхватил идею, высказанную в своё время бывшим премьер-министром Я. Накасонэ о введении системы прямых выборов главы правительства²⁴. Это равносильно введению президентской формы правления, близкой к американской модели. Но такой политический сценарий не оставляет места усилению политической роли императора, который имеет естественное преимущество стать харизматическим лидером и играть роль своего рода политического стабилизатора в обществе.

Многое будет зависеть от того, насколько Коидзуми удастся сочетать роль сильного премьер-министра с линией на усиление харизмы императора. Некоторые действия говорят о его стремлении к такому сочетанию.

Оценивая поведение Коидзуми в исторической ретроспективе, нужно отметить, что в японской политической жизни в послевоенный период такого рода деятели уже встречались. Примером этого является Коно Итиро, имевший свою фракцию в ЛДП и бывший долгое время министром земледелия и лесоводства. Сам Коно никогда до премьерства не поднимался, но Накасонэ Ясухиро, ставший премьером, был его учеником.

С точки зрения более удаленной ретроспекции нужно заметить, что в традиционной японской политической культуре потребность в осуществлении ломки в обществе выражалась в появлении политических деятелей, которые действовали по типу своего рода «безумия», были внутренне одержимы. Их отличала иррациональность поведения. Это вполне соответствует японскому национальному характеру. Японцы — народ иррациональный, во всяком случае, они действуют не по европейской логике исключения третьего.

¹ О тенденциях и факторах экономического развития Японии 90-х годов см.: Певзнер Я. Куда движется японская экономика // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 4; Леонтьева Е.Л. 90-е годы — «потерянное десятилетие»? // Японский опыт для российских реформ. Вып. 1. М., 2001; Рамзес В. К новым системам // Япония: переворачивая страницу. М., 1998 и др.

² О перестройке партийной системы в Японии и тенденциях ее политического развития см.: Загорский А. В. Политическая реформа в послевоенной Японии // Япония в поисках новых рубежей. М., 1998; Синатров А. И. Партии и выборы на рубеже столетий // Япония. 2000—2001. М., 2001; Цветова А. И. Современная политическая система в Японии // Япония. 2000—2001. М., 2001 и др.

³ Анисимцев Н. Преступность в современной Японии // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 2. С. 55.

⁴ Уткин А. И. Мировой порядок XXI века. М.: Алгоритм, 2001. С. 332.

⁵ Вербицкий С. Японский премьер-министр // Знакомьтесь — Япония. 1993. № 3. С. 41.

⁶ Merriam C. Political Power. P. 40—43.

⁷ Кавано Тамио Гэндай сэйдзика-но дзэкэн (Каваками Тамио. Условия современного политика). С. 25—27.

⁸ Накамура Кикую Сэйдзи бункарон (Накамура Кикую. Политическая культура). Токио, 1976. С. 132.

⁹ Там же. С. 134.

¹⁰ Там же. С. 135.

¹¹ Дои Кэнро «Амаэ» — но кодзо (Дот Кэнро Структура «амаэ»). Токио, 1971.

¹² Пронников В. А., Ладанов И. Д. Японцы. М., 1985. С. 92.

¹³ Алиев Р. Ш. А. Внешняя политика Японии в 70 — начале 80-х гг. М., 1986. С. 74.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Вербицкий С. Японский премьер-министр. С. 42.

¹⁶ Там же. С. 42.

¹⁷ Асахи симбун. 2000. 5 апр.

¹⁸ Синатров А. И. Партии и выборы на рубеже столетий // Япония. 2000—2001. М., 2001. С. 12.

¹⁹ Там же.

²⁰ Головин В. Что кроется за «феноменом Коидзуми»? // Азия и Африка сегодня. 2001. № 5. С. 23.

²¹ Там же. С. 25.

²² Гайдено П. П., Давыдов Ю. Н. История и рациональность. М., 1991. С. 90.

²³ См. Сила-Новицкая Т. Г. Культ императора в Японии. М., 1990. С. 171.

²⁴ Головин В. Что кроется за «феноменом Коидзуми»? С. 26.

SUMMARY: The article «Problem of Leadership in Japan» is written by Professor Vitaly Sovasteev and a post-graduate Olga Shevchuk. It is known that in modern Japan the problem of political leadership is urgent. It is caused both circumstances of home policy and foreign policy. Some American researchers determine the process of today as «A Quiet Revolution». D. Helbert considers that when Japan ways out of a crises it could challenge America. But first of all it is necessary to solve the problem of political leadership that at present it is one of the components of the political crises.